

ЭПИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛА В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье анализируются функциональные формы категории времени, которые потеряли свои генетические смыслы в литературном тексте. Его основная идея – определить влияние такого функционального грамматического типа взаимодействия грамматического времени на время в литературном тексте. Исследование построено на работах разных периодов: первое десятилетие прошлого века (произведения Ремизова “Сёстры Крист”, “Пойманный”), современный постмодернистский период (Т. Толстой роман “Кысь”). Основываясь на этих результатах можно сделать вывод, что использование глагольных форм автором, который определяет время в литературе, оказывает другое влияние, чем генетическое направление, его цель – сближение литературного текста с ситуацией прямого вербального общения, на основе сходимости автора к читателю, до их идентичности.

It is analyzed in the article function forms of tense category, which lost their genetic meanings in the literature text. On the basis of it is being found the influence such type of function of grammar tense on the literature tense of text. The survey is built on the works of creations of different periods: the first ten years of last century (creations of Remizov “Christ Sisters”, “Caught”), contemporary postmodern period (T.N. Tolstoy novel “Kys”). Based on these results it is concluded that the use of verbal forms authors time to value other than genetic, aimed at the convergence of a literary text with a situation of direct verbal communication, on the convergence of the author to the reader, up to their identification.

Содержание грамматического времени дейктично, то есть привязано к условной точке отсчета. В эпическом функционировании точка отсчета не связана с автором-творцом, поскольку реальное и художественное время не идентичные понятия по своей сущности. Художественный текст отличается наличием собственно хронотопа. Этот хронотоп не связан с моментом речи говорящего даже в том случае, если он является рассказчиком. Таким образом, формы времени в художественном тексте относятся не к конкретному моменту речи, а к моменту в тексте. Употребление форм времени в нарративном режиме обус-

ловливает утрату их прямого значения как такового. Семантика глагольных форм зависит от эпического времени текста, соответствует моменту в тексте, избранному автором-повествователем. Эпическое функционирование форм глагольного времени в переносном значении открывает более широкие возможности языка, речи, следовательно, автора и читателя. Эта функциональная особенность обуславливается авторским языковым сознанием и русской ментальной традицией.

Лингвистические исследования, посвященные проблеме употребления форм времени глагола в нарративном режиме, рассматривают ее в разных аспектах. Так, употребление форм глагола в ментальном аспекте на материале русского и английского языков исследует Михаил Дымшиц [4]. Использование форм времени на основе связи грамматических форм с особым типом этнического мышления анализирует Анатолий Железняк [5]. Значению времени в философском аспекте посвящены исследования К.А. Тимофеева [9].

В настоящей работе предпринята попытка установления закономерности переносного употребления форм времени от особенностей их функционирования в тексте. Материалом исследования послужили произведения модернистской и постмодернистской литературы: А.М. Ремизова «Крестовые сестры», «В плену» [7], Т.Н. Толстой «Кысь» [10]. В этих произведениях, созданных в различные периоды, достаточно продуктивно используются переносные значения форм времени, отражая авторскую позицию, направленную на сближение с читателем за счет упрощения восприятия, усиления взаимосвязи автора и читателя.

Применительно к постмодернистскому периоду актуализация переносного значения временных форм глагола в художественном тексте, на наш взгляд, обуславливается и самой философией постмодернизма. Согласно Л.Н. Чурилиной, постмодернистское сознание стремится отказаться от дуальных оппозиций, а периферийное и маргинальное объявляется равноправным ядерному. В контексте этого сознания реальность предстает как виртуальная, идеальная, что способствует вариативности восприятия любого фрагмента мира и приводит к нестабильности. Сослагательность речи, выраженная в словах *типа, как бы* и *под.*, свидетельствует о множественности. Наблюдается нивелирование границ, отсутствие амбивалентности жизни и смерти, верха и низа, мужского и женского, субъекта и объекта, что соответствует модели одноуровневой реальности, а постмодернистское сознание характеризуется как феномен одноуровневой культуры, отсутствия амбивалентности [1, с. 467]. В этом контексте можно интерпретировать наблюдаемое в постмодернистских текстах нивелирование границ между будущим и прошедшим, настоящим и прошедшим временными планами. Стирание временных границ проявляется, в частности, в стремлении употребить форму будущего времени в значении прошедшего и в то же время спроецировать ее на план будущего.

Основными методами выявления употребления форм времени, отличающегося от генетического, послужили дистрибутивный метод и метод субститу-

ции. Первый из них позволил проанализировать влияние контекста на функционирование грамматических форм и выявить связь эпического времени с временем грамматическим; второй из обозначенных методов – определить возможности возникновения функционального значения форм времени, отличного от генетического.

Согласно собранному материалу, случаи транспозиции временных форм глагола в рассматриваемых произведениях уступают формам, сохраняющим соотношение со своим генетическим значением. Употребление форм будущего времени для обозначения действий, происходивших в прошлом, не только сближает повествователя с моментом непосредственного совершения действия, но и предполагает развитие и повторение его в перспективе, что характерно для русской разговорной речи. Это является свидетельством того, что автор-повествователь наиболее близок к эпическому времени текста и является в нем адресантом. Мысль М.М. Бахтина о том, что любой текст является высказыванием [2], свидетельствует о возникающем на этой основе диалоге, где адресат предполагается в лице читателя. Автор в этом случае может интерпретироваться как автор-рассказчик, а текст – как произведение, связанное с фольклорной традицией русского народа со свойственными ей речевыми формулами. О существовании специфических форм и значений времени, свойственных русскому ментальному сознанию, свидетельствуют примеры из романа представительницы постмодернистской литературы Т.Н. Толстой «Кысь»: (О дворах) *у кого терем повыше, у того и жбаны поздоровей, а иной целую бочку на кол **напаялит**, в глаза **тычет**: богато живу, голубчики!* [10, с. 3]; (О перерожденце) *Домчит до рабочей избы и **встанет** как вкопанный* [10, с. 3].

Как видно из приведенных примеров, глаголы в форме будущего времени передают наглядно-примерное значение, свойственное русской разговорной речи [8, с. 129]. Автор наблюдал представленную картину в прошлом и, возможно, видит ее в настоящем. Поэтому он, проецируя ее на будущее, связывает прошедший и будущий временные планы в единое целое. С участием глаголов такого рода употребления формируются конструкции, позволяющие включить читателя в ход повествования: *Прицуришься – от солнышка лучи **идут** кругаялями, **поддашь** валенком пушистый снег – он и **заискрит**ся, словно слепые огнецы **затрепетали*** [10, с. 3]; (О Кыси) *Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! И хребтину зубами: хрусь! – а когтем главную-то жилочку **нащупает** и **прервет**, и весь разум из человека **выйдет*** [10, с. 3]; *Сначала все степи, степи – глаза **вывалятся** смотреть... **Идешь-идешь**, вот уж и городок из глаз скрылся, с полей ветерком повеваает, все-то хорошо, все-то ладно, и вдруг, говорят, как **встанешь**. И **стоишь**. И **думаешь**: куда же это я **иду-то?*** [10, с. 4]

Примечательно, что формы будущего времени в наглядно-примерном значении переплетаются с формами настоящего исторического времени глагола, что подтверждает разговорный характер высказываний. Выражаемые глагола-

ми действия носят делокализованный характер, следовательно, являются потенциально совершающимися постоянно, всегда: *Вернется он такой назад, а он уже не тот... Поймают его и ведут в избу, а иной раз поставят ему миску пустую, ложку в руку вторнут... он будто и ест, из пустой-то миски, и зачерпывает, и в рот несет, и жуует, а после словно хлебом посудину обтирает, а хлеба-то в руке и нет; ну, родня, ясно, со смеху давится* [10, с. 4].

Контекстуальное употребление глагольных форм, обусловленное особенностями русской ментальности, отмечается в текстах представителя модернистского направления, характерного для литературы первых десятилетий прошлого века, – А.М. Ремизова. В отличие от Т.Н. Толстой, прибегающей к употреблению форм будущего времени в значении прошедшего, в наглядно-примерном значении намеренно, А.М. Ремизов репрезентирует данный стилистический прием на интуитивном уровне, как определенный тип своего мышления, свойственный славянской мифологической традиции.

Согласно проанализированному материалу, формы будущего времени в имперфектном (постоянном прошедшем) значении употребляются в контексте генетических форм прошедшего времени, свидетельствующих о том, что действия такого рода уже имели место в прошлом. В этом случае используются формы 2-го и 3-го лица единственного или множественного числа, например: *Маракулин дружил с Готовым вовсе не потому, что служебное дело их одно с другим связывалось тесно, один без другого обойтись не мог: Петр Алексеевич талоны выдавал, Александр Иванович кассир... Порядок известный: Маракулин только чернилами напишет, а Готов точно то же только золотом отсчитает... И еще Маракулин признавался, что на человека он нисколько не похож, по крайней мере, на тех людей, которых постоянно увидишь в театре, на собраниях, в клубах* [7, с. 1].

Сближению с читателем, его потенциальной возможности перенестись в ту реальность, в которой разворачивались события в прошлом, способствует характерное для русской разговорной речи употребление форм исторического настоящего времени глагола, например: *Ребятишки дразнят Горбачева, прозвища ему дают всякие, дикими стаями ходят за ним, над ладаном его поспеиваются и над носом, заросшим конским волосом...* [7, с. 9]; *Раз так двое с юга подступили к городку: старик со старухой. Мы в горшки колотим, топочем, кричим, чеченцам хоть бы что, только головами вертят* [10, с. 5].

Как показывает фактический материал, глаголы будущего времени способны также передавать ирреальное значение возможности, желательности. Это обусловливается тем, что футуральное значение тесно переплетается с гипотетическим значением. Не случайно ряд исследователей усматривают противоречие в том, что значение будущего времени включено в состав реального, изъявительного, наклонения. В частности, Е. Курилович относит данное значение к ирреальным наклонениям [6]. В романах А.М. Ремизова такого рода употребление способствует изображению возможного, иллюзорного, мира – собы-

тия, о котором мечтает герой романа, но которое вряд ли осуществимо. Иллюзорность, несбыточность мечтаний героя подчеркивается благодаря использованию глагола *казаться*: *Казалось, прятался тот день, когда войдет старший и объявит, и все подымутся, загудят, споря и собирая рухлядь со всевозможными тайниками для табаку и инструмента* [7, с. 20]; *по двору рассыпается крепкое слово и летучее – такая отборная, крепкая русская речь, какую в остроге редко услышишь* [7, с. 9].

В репликах героев глаголы будущего времени выражают значение необходимости, долженствования, что также является характерным для русской ментальной традиции с ее характерным пристрастием к долгу. Использование их во 2-м лице единственного числа придает высказыванию обобщающий характер, основанный на соборности русской ментальности [3, с. 152]. В частности, такое употребление отмечается в реплике старухи из романа «Кысь»: *Ведро опоганил, сжечь пришлось. А новое ведь пока выдолбишь, пока прорубишь да просмолишь, да по три раза просушишь, да ржавью окуришь, да синим песком натрешь* [10, с. 5].

Таким образом, использование авторами форм глагольного времени в значении, отличном от генетического, направлено на сближение художественного текста с ситуацией непосредственного речевого общения, на сближение автора с читателем, вплоть до их отождествления. Обоснованность такого употребления форм времени по отношению к разным авторам неоднозначна. Она предопределяется целью автора: а) организовать текст гармонично реальной действительности, вне противоречия с ней (А.М. Ремизов), б) придать тексту дополнительную смысловую нагрузку (Т.Н. Толстая).

Список литературы

1. Актуальные проблемы современной лингвистики : учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 5-е изд. – М. : Флинта, 2010. – 416 с.
2. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Собрание сочинений. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5 : Работы 1940-1960 гг. – С. 159–206.
3. Вьюнов, Ю.А. Русский народ : национальный характер и духовные ориентации // Методическое пособие к дистанционному курсу повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного : в 2 ч. – Часть II : Современная русская литература ; Страноведение России ; под ред. Э. Г. Азимова. – М. : МАКС Пресс, 2004. – С. 127–163.
4. Дымшиц, М. Русский ментальный код // Эл. версия. – Режим доступа: www.npl.ru
5. Железняк, А. Язык как индикатор этнического менталитета // Лаборатория слова. Топос. Литературно-философский Интернет-журнал. – Режим доступа: www.topos.ru [12/ 10/ 2005]
6. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 252 с.
7. Ремизов, А.М. Узлы и закруты / А.М. Ремизов. – Петрозаводск : Изд-во «Карелия», 1990. – 256 с.
8. Русская разговорная речь : Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. – М. : Наука, 1983. – 238 с.

9. Тимофеев, К.А. О транспозиции временных форм глагола в русском языке // История языка. – Новосибирск, 1999. – С. 3–7.
10. Толстая, Т.Н. Кысь : Роман / Т. Н. Толстая. – М. : Подкова, Иностранка, 2000. – 384 с.